

♦ Валерий Введенский ♦

Валерий Введенский

Приказчик без головы

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В24

Введенский, Валерий Владимирович.
В24 Приказчик без головы / Валерий Введенский. —
Москва : Эксмо, 2024. — 480 с. — (Исторический
детективъ Николая Свечина и Валерия Введенского).

ISBN 978-5-04-199815-8

Всегда сложно мириться с несправедливостью. Особенно если дело касается человеческой жизни. В такой непростой ситуации оказывается Александра Ильинична, Сашенька, — любимая и любящая жена присяжного поверенного князя Дмитрия Даниловича Тарусова. Первое дело, которое ему поручают рассмотреть, — убийство приказчика. Его обезглавленное тело нашли в реке. На первый взгляд, все кажется простым, а итог следствия — предсказуемым: признание подсудимого получено, улики найдены. Но Сашенька подозревает, что тут не все «чисто», и с энтузиазмом принимается за расследование...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199815-8
© Введенский В.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Посвящается Тане и Никите

*Автор благодарит **Николая Свечина**
и Ивана Скобеева за помощь,
поправки и замечания*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сашенька восхищалась рассудительным (ах, весь в отца!) Евгением, обожала черноброво-черноокою (опять же, в Тарусова) Татьяну, души не чаяла в маленьком Володе, унаследовавшем от супруга вкупе с высоким лбом необыкновенные способности — пяти не стукнуло, а уже бойко читает и на русском, и на французском. Но, несмотря на этакое счастье, самым главным, самым любимым ее ребенком был муж — князь Дмитрий Данилович Тарусов.

Семнадцать лет брака пролетели как один счастливый день.

Князю завидовали. Александра Ильинична сочетала мыслимые и немыслимые достоинства. Вторым именем ее была верность, третьим — страстность. Романтическая красавица с приличным приданым, она оказалась толковой хозяйкой, умевшей на скромное жалованье мужа нанять престижное жилье и придать ему уют и очарование.

Объективности для упомянем и недостатки, вернее главный из них: княгиня была умна.

Да, да! Редкий из нас, мужчин, считает сие достоинством. Почему?

Во-первых, не похвастаться. Осиная талия и стать античной богини вызывают понятное восхищение знакомых. А ум? Где и как его предъявить?

Во-вторых, умная жена непременно должна руководить. А вы, между прочим, и без нее знаете, чем заняться, вот только с дивана пока вставать не собираетесь.

Однако Александре Ильиничне повезло — Дмитрий Данилович и сам был умен. Общение супругов не ограничивалось только ласками и воспитанием их последствий. Князь с удовольствием обсуждал с женой дела, читал вслух рукописи, спрашивал совета. Сашенька же была столь умна, что сама с ними к мужу не приставала...

Впрочем, зря... Эх, давно Тарусов был бы присяжным поверенным, еще четыре года назад, в 1866 году♦, когда судебная реформа началась. И гремел бы он не меньше Спасова или того же

♦ Судебная реформа началась раньше, в 1864 году, когда был утвержден новый судебный устав. Однако судопроизводство по новым правилам началось лишь в 1866 году, тогда же был избран первый в России Совет присяжных поверенных (в Петербурге), и они смогли приступить к защите обвиняемых в суде. (Здесь и далее примеч. автора.)

Стасовича. Но лишь когда Казанский университет под давлением Третьего отделения аннулировал свое же решение избрать князя профессором, Дмитрия Даниловича посетила давно витавшая в голове мысль.

Тарусовы всегда ужинали при параде. Сегодня же случай был особый — князя приняли в адвокаты, потому Сашенька нарядилась в новое платье, которое берегла к именинам мужа, а сам виновник торжества скрепил рукава сорочки изумрудными запонками (подарок жены к десятилетию свадьбы).

— Приняли единогласно! — в который раз хвастался супруг.

— Нисколько не сомневалась! Кого, если не тебя? — Александра Ильинична подняла бокал с искрящимся *Veuve Clicquot*♦. — За великого адвоката!

— Любовь моя, рано, рано еще так говорить! — смутился Дмитрий Данилович и, кивнув на детей, добавил: — И непедagogично.

— А дети со мной согласны! Да, дети?

— Да! — поспешил ответить за всех младший. — А торт когда будет?

Мама обещала великий праздник, но ни елки в столовой, ни крашеных яиц на столе Володя не

♦ «Вдова Клико» (фр.).

обнаружил. Торт был последней надеждой превратить обычный ужин в торжество.

— Скоро, скоро! Доедай курицу, — пообещала толстая Клавдия Степановна, служанка на все руки у Тарусовых.

С Дмитрием Даниловичем она была с рождения — сначала кормилицей, потом нянькой. Когда мальчик вырос и женился, упростила старого князя отдать их с мужем к нему в услужение. Готовила, стирала, убирала, нянчила детей, успевая все одновременно. Но в последние месяцы, после смерти незабвенного Филимоныча, служившего при жизни камердинером-истопником-полотером, тяжело ей стало спускаться по лестницам. Однако об этом после...

— А Дитцвальда в прошлом году не приняли! — вспомнил князь, дабы вернуть разговор в приятное русло.

— Ну, сравнил! — Нежно-голубые глазки Александры Ильиничны возмущенно округлились. — Сам же говорил: двух слов связать не может, даже на бумаге! К тому же подлец!

Княгиня имела все основания так говорить. Именно Фердинанд Эдуардович Дитцвальд был причиной многолетних злоключений Дмитрия Даниловича. самого молодого и многообещающего профессора Петербургского университета князя Тарусова после студенческих волнений

1861 года изгнали с кафедры по доносу коллеги. Профессор Дитцвальд сообщил в университетский совет о чрезмерном сочувствии, которое Тарусов в частных беседах выказывал к арестованным, и о неприятии Дмитрием Даниловичем репрессивных мер, чинимых к оставшимся на свободе. Попечитель учебного округа, генерал от инфантерии Пилипсович, был с князем по-военному краток:

— Государственная служба имеет свои требования, и кто не хочет или не может их исполнять, волен ее оставить.

Дмитрий Данилович подал в отставку. Его тут же с радостью пригласили в Училище правоведения. Но три года назад, не без участия Третьего отделения, Дмитрия Даниловича попросили и отсюда. Тарусов, стиснув зубы, перебивался статейками в «Новостях» и во «Всеевропейском вестнике», ожидая, что «Учебник уголовного права», над которым он корпел по ночам, вернет ему кафедру. Зря! Хоть коллеги за рукопись присвоили Тарусову степень доктора права, печатать ее, а тем более преподавать в столицах власти категорически запретили. Оставалась призрачная надежда на провинциальные университеты, но в Казани... Впрочем, об этом мы уже поведали.

— Сашенька, — развел руками князь, — не стоит так о коллегах.

— Дитцвальд — подлец! — повторила княгиня.

— Здесь дети! — напомнил ей Тарусов.

— Им и говорю! Старшим давно пора знать, что на свете не только порядочные люди, часто и подлецы встречаются...

— А я уже знаю! — неожиданно подхватила дочь. — Например, Евгений...

Сегодня утром Татьяна застала старшего брата за чтением ее дневника. Возникшая после этого перепалка продолжалась всю прогулку и закончилась примирением незадолго до ужина. Тем неожиданней для Евгения был выпад сестры. Юноша, по-взрослому выдернув салфетку и скомкав, собирался уже бросить ее на пол, как Татьяна, ехидно улыбнувшись, закончила фразу:

— ...Онегин! Евгений Онегин — подлец. И не смотрите так удивленно, маменька. Убил Ленского, добивался замужней дамы...

— Шура! — в раздражении пробурчал князь. Когда был недоволен, обращался к жене именно так. — Сколько можно повторять: Татьяне рано читать подобные книги! Всему свое время, пусть подрастет.

Александра Ильинична сверкнула глазками. Внимательный читатель по именам детишек уже догадался, над каким романом проливала она слезы в девичестве.

— Диди! — Княгиня часто называла мужа по инициалам. — Ты, верно, очень занят и подзабыл,

что Танечке уже четырнадцать. Они с Лариной ровесницы!

— Тогда другие были времена, — парировал князь. — В пятнадцать выдавали замуж.

— Да, — согласилась со вздохом Александра Ильинична.

Дремавшая полтора ста лет после петровской встряски Россия вдруг снова пришла в движение и такую скорость развила, будто вместо слабо-сильной клячи тащил ее вперед теперь могучий паровоз! Повсюду строились фабрики и заводы, бескрайние просторы туго стянула паутина железных дорог. А как Петербург преобразился! Из приземистого превратился в пятиэтажный, оброс частоколом пыхтящих труб. Да и публика на его улицах стала иной: большую ее часть составляли теперь студенты и работники♦. На более удобную и практичную менялась одежда. И, конечно же, вместе с эпохой переменялись и нравы.

— А меня в двенадцать выпихнули! — на правах едва ли не родственницы встряла в господский разговор Клавдия Степановна. — У Филимоныча отец сгинул, мать померла, пятеро детей сиротами, а он из них самый старший. Без хозяйки не управиться! Вот и посватал.

♦ Так называли рабочих в 60–70-х гг. XIX в.

— Ныне такое варварство запрещено, — напомнил Дмитрий Данилович. — Только с шестнадцати.

— И очень зря! — воскликнула Таня, выскакивая из-за стола.

— Куда? — строгим голосом спросила Сашенька.

— Почитаю.

— Глаза попортишь от книг! — проворчала вдогонку Клавдия Степановна. — Будешь вон, как отец, очками щи гонять.

Клавдии Степановне нравилось слово «щеголять» — барское оно такое, изысканное, но понимала и произносила она его по-своему.

— А торт? — напомнил сестре Володя.

Татьяна повернулась у двери и ехидно сообщила:

— Один мальчик ел, ел сладкое, ел, а потом взял и умер. Кишки слиплись!

Володя от страха (покушать любил, а смерти, как все дети, боялся) громко заревел. Александра Ильинична бросилась утешать.

— Татьяна становится решительно невозможной! — возмущенно пожал плечами Тарусов.

— Потому что подруги по дачам разъехались, посплетничать не с кем, — пояснил родителям Евгений.

— Эх! — опять вздохнула Александра Ильинична.

Дачу в этом году не сняли из экономии. Однако жара, приятная на природе, в Петербурге

оказалась невыносима. Камни, из которых город построен, от солнца накаляются, и даже ночью не случается успокоительной прохлады. Прибавьте пыль, комаров, миазмы, дым фабричных труб...

«Господи, как славно, что Диди стал поверенным, — думала княгиня. — Рекой не рекой, но деньги теперь потекут. Особенно если первое дело случится громким. И выигрышным!»

Ночью, в спальне, выяснилось, что дело уже поручено. Увы, увy, по назначению безгонорарное. Незадачливый убийца право на защиту имел, а вот денег — ни копейки. Тарусову, как новичку, его и подкинули.

Дмитрий Данилович не спешил снимать халат. Прохаживаясь взад-вперед по спальне, репетировал:

— Господа судьи! Господа присяжные! Вашего приговора ожидает подсудимый, обвиняемый в самом страшном преступлении, которое только можно представить. Прежде всего, я должен выставить его поступок без прикрас. Понимаю, что тем самым я теряю всякую возможность защитить его, но должен признать — подсудимый поступил нехорошо. Весьма нехорошо! Единственное, чем можно объяснить столь ужасное деяние, — умопомешательством! Да-с!

Сашенька кашлянула, чтобы прервать на секунду мужа:

— Диди! Неужели настолько безнадежно?

— Увы! — развел руками Тарусов. — При обыске в доме обвиняемого найдена отрубленная голова. В прихожей висела, в заплечном мешке...

— Какой ужас... Одна голова? А тело?

— Тело всплыло днем ранее, в Малой Невке. Естественно, декапитированное♦. Труп опознали по одежде и родимому пятну на ноге: Сидор Муравкин, старший приказчик купца второй гильдии Осетрова. Происходил покойный из крестьян Ярославской губернии, в Петербурге прожил около пяти лет. Исчез за день до всплытия. Полиция произвела обыск в доме купца, где погибший проживал, и в доме единственного родственника — брата Антипа. С обоими Сидор незадолго до смерти крупно поругался, а с братом к тому же подрался. Ну вот... У этого самого Антипа голову и нашли.

— Глупость несусветная! — Александра Ильична порывисто откинула одеяло и буквально выпрыгнула из кровати.

— Ты о чем? — не понял князь.

— А вот ответь — с какой целью этот Антип обезглавил труп?

— Чтобы опознать не могли!

— А зачем тогда голову у себя держал?

— Говорит, закопать не успел. Я тебе главное не рассказал. — Князь посмотрел в глаза супруге.

♦ Декапитация (лат.) — обезглавливание.

Они были друг с другом на «ты» — тоже веяние времени, в начале века подобное и представить было нельзя. — Антип признался!

— Признался?! — изумилась Сашенька. Раскаившийся братоубийца совершенно не подходил для громкого дела, о котором она мечтала для мужа. — А вдруг его били? Вдруг пытали? Сам давеча рассказывал, как подследственного заставили соль есть, а потом трое суток не давали пить.

— Исключать подобного нельзя. Адвокат в предварительном следствии не участвует, сама знаешь...

Судебную реформу провели робкую и половинчатую. Да, суд присяжных, но не во всех губерниях. Да, у обвиняемого теперь есть защитник, призванный в состязательном процессе подвергнуть сомнению доводы обвинения, но поди докажи, что признания выбиты пытками или угрозами, а ведь оно случается сплошь и рядом! Конечно, по новым уставам одних признаний недостаточно, но по-прежнему судьи придают им первостепенное значение, а отказ от них трактуют не в пользу обвиняемого.

— А сам Антип что говорит?

Вопрос Сашенька задала с подвохом! Уже упоминалось, что Александра Ильинична с советами не лезла, но, когда было невтерпез, давала их ис-

подволь, в завуалированной форме. По безнадежному и безгонорарному делу даже начинающий адвокат не станет из кожи вон лезть. Вряд ли Дмитрий Данилович собирался навестить Антипа до суда. Но после слов супруги он переменил решение.

— Сегодня некогда было, коллеги поздравляли, — после некоторой паузы попытался оправдаться князь. — Завтра!

— Расскажешь?

— Непременно! А сейчас позволь я речь закончу. Слушай! Я не буду обелять преступника, господа присяжные. Он — негодяй. Но я должен, я обязан хотя бы на один волосок, на одну степень уменьшить его ответственность, а стало быть, облегчить наказание.

— Блестяще! — Замерзшая в одной сорочке Сашенька прильнула к мужу и принялась развязывать поясок халата. — Я люблю тебя...

Бывают же на свете счастливые пары!

Алексей Прыжов, увидев Сашеньку у себя в прозекторской, с замиранием сердца спросил:

— Что-то случилось?

У каждой женщины есть безнадежно-безответно влюбленный воздыхатель, скромный рыцарь, который всегда подле, не докучает, скромно ждет своего часа. А вдруг? Вдруг муж окажется подлец? Бросит или помрет?

— Нет! Забежала похвастаться! — Александра Ильинична приврала. До 5-й линии Васильевского острова — не ближний свет, пришлось нанять извозчика. — Диди приняли в поверенные!

— Поздравляю! — сухо сказал Прыжов, отвернувшись, чтобы счастливая супруга новоиспеченного адвоката не заметила разочарования на его худом нервном лице.

С Алексеем Сашенька вместе росла, что и определило характер их отношений. Невозможно пойти к алтарю, коли в детстве на соседних горшках сидели. Приятель по играм, помощник в учебе (был постарше, потому всегда объяснял Сашеньке непонятное и трудное), хранитель девичьих тайн (в юности женщины так бессердечны!), крестный Татьяны (увы, в зрелости тоже!), Прыжов никогда не признавался ей в любви, но неизменно томный взгляд, дрожание рук, житие бобылем (а ведь тридцать семь стукнуло, давно пора!) выдавали неразделенные чувства.

Диди, как надеялась Сашенька, не догадывался — Алексей всегда был безупречен, да и она не давала повода.

— Уже и первое дело назначено! — продолжила Тарусова.

Прыжов промолчал. Хорошо зная Сашеньку, понимал, что приехала неспроста, есть причина, причем весомая, и терпеливо ждал, пока сама о ней расскажет.

— Может, ты слышал? Одному приказчику голову отрубили.

— Муравкину? — уточнил Прыжов.

— Да, да! — обрадовалась Сашенька.

Похоже, не зря тащилась!

— Слышал. И даже видел.

— Как рубили, видел? — пошутила княгиня.

— Нет, я голову исследовал. На затылке след от удара тяжелым тупым предметом. Предположительно, обухом топора или молотком, — на медицинские темы Прыжов говорил без эмоций, лаконично. — Склоняюсь к первому.

— Почему?

— Сомневаюсь, что преступник носит при себе сумку с инструментами. А топор у него точно был. Голову им отрубил.

— А умер Муравкин от чего? От удара по затылку или когда голову с плеч снесли?

— Хороший вопрос. Надо будет еще разок взглянуть.

— А что, голова здесь? — удивилась Сашенька.

— Здесь! В банке со спиртом плавает. Надо, кстати, напомнить окружному суду, чтоб забрали. — Прыжов черкнул что-то в блокнотик.

— Голову на суде покажут?

— Конечно. Надо ведь присяжных напугать. А то разжалобит их твой муженек велеречивостью, наплетет про умопомешательство на почве ревности, тут-то прокурор банку на стол — и все!